

Поэзия гор

Заметки о живописи Николая Рериха.

[На главную](#) > [Статьи](#) > **Поэзия гор**

*Да принесут горы мир людям
и холмы правду. (Псл. 71:3)*

Самое значительное в наследии Николая Рериха — это цикл горных пейзажей, которые он создал в Индии, Китае, Монголии; а самое значительное событие в его жизни — Центрально-Азиатская экспедиция (1923–1928 г.)

Несомненно, это путешествие было предназначено ему судьбой и предуказано свыше. Ведь самое имя его построено, как горная гряда. Вслушаемся в звуки имени РЕРИХ: оно начинается со звука Р — это звук рокота земных недр, шума рек, звериного рыка, он горячий и оранжево-красный, как солнце на горизонте, и как солнце на заре, припал он к земле. Затем звук устремляется к светлому горному миру. Е — это небо, ветер, оно веет, голубеет... Это вершина горы. Здесь святыни: здесь место молитвы, где обитают Элохимы, где преклоняются перед Всевышним пророки Его: Элиа, Экклезиаст, Иезекииль, Енох, Езра...

Затем опять склон горы: звук припадает к земле, становится красным, пурпурным, материальным, твердым, как священный камень. Это — Р. Но вот он опять взлетает ввысь, на волю протяжным И-и-и ...оно синее, сизое, как облака, сиреневое; оно поёт, как иволга, в миноре...

И, наконец, звук Имени опускается к глухому, хтоническому Х: оно тихое и темное, как глухомань хвойного леса.

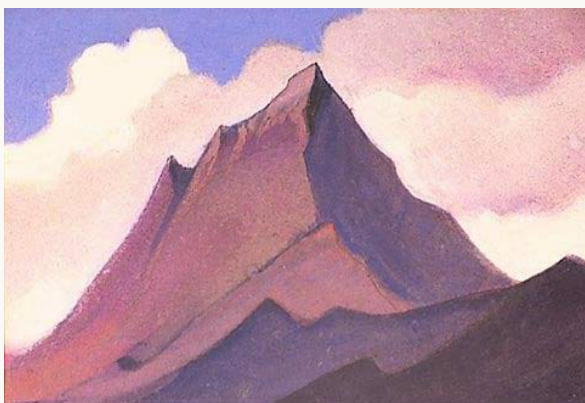
Получились у нас две горы — почти как близнецы Мера и Сумера, как Гаризим и Гевал, как Синай и Фавор — горы славы Господней.

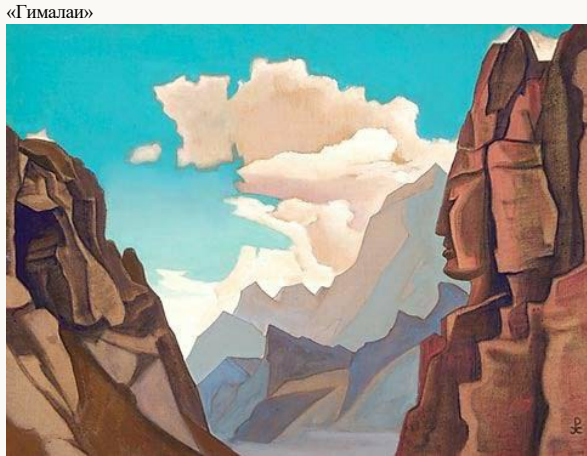
Но это ещё не всё: следом за этими горами выстраиваются вершины Елены Рерих, Святослава и Юрия — получается целая горная цепь. Поистине, святое семейство!

Горный пейзаж привлекает внимание художников особого склада: это люди «не от мира сего», они ищут некую вечную истину, поэтизируют глубокую древность, создают символы трансцендентного, запредельного. Достаточно назвать Каспара Давида Фридриха, К. М. Чюрлёниса, М. Сарьяна, К. Хокусая, китайских художников, работавших в стиле «горы и воды».

Николай Рерих пришел к главному сюжету своего творчества не сразу: только в сорок лет задумал он экспедицию в горные страны, и через десять лет осуществил свой замысел.

В горном пейзаже можно выразить очень многое; ведь гора-это символ, знак. Это Божья тварь, созданная, как и человек, по образу и подобию Божества. Главная её примета — вертикальность. Она устремляется вверх, как и человек прямостоящий. Он встал прямо, чтобы приблизиться к Небу, чтобы созерцать Престол Всевышнего.

«Великий дух Гималаев»

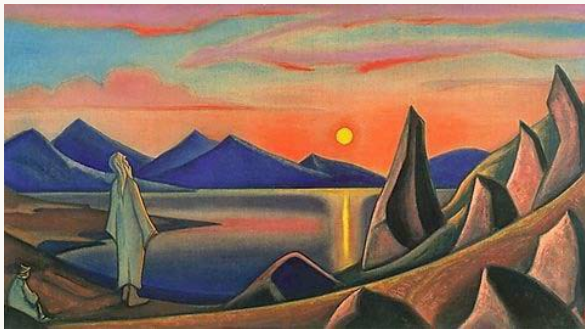

«Путь в Шамбалу»

«Черная Гоби»

В Священном Писании горы-это живые существа.

«Бэда проповедник»

Они ликуют, славя Бога (Псл.97:8), они шумят от радости, прославляя искупление Иакова (Ис.44:23), они слушают Слово Бога гор (Иез. 6:3), содрогаются от гнева Господа (Ис.5:25), а иногда прыгают, как овны (Псл.113:6). Сам Бог обращается к горам, как к живым существам: «Горы Израилевы, слушайте слово Бога» (Иез.36:4).

Если горы разрушаются — это означает конец света: «Когда гора раздвоится, не станет света, светила удалятся» (Зах.14:4). Исчезновение гор — один из эпизодов Апокалипсиса (Откр.16:20).

Важнейшие события Священной истории происходят на горах. Вместе с тем горы — предмет восторженного любования, образец красоты.

«Голова твоя на тебе, как Кармил, и волосы на голове твоей, как пурпур...» (Песнь,7:6).

Ещё более прекрасны горы в индийском эпосе Махабхарата. Принц Рама и его супруга

Сита, оказавшись в изгнании, испытывая тяжелые лишения и страдания, утешаются при виде горы Читракуты, на вершине которой живут боги, а склоны покрыты роскошными цветами и деревьями, драгоценными камнями и обильной фауной.

Горы и холмы иной раз спасают народ Индии от бедствий, а самих богов — от удела смертных. Вспомним эпизод с добыванием амриты, спасение народа Кришны от разрушительного дождя. В горах спасаются отшельники, гонимые судьбой, святые люди; с гор текут источники вод, в горах находят приют барсы и олени, зайцы и дикие ослы.

«Сострадание»

Почему так священны и прекрасны горы?

Взглянем на наш объект с другой стороны; попробуем прочесть форму горы как некий текст или совокупность знаков. Идея горы (**эйдос**), или ее **архетип** — это конус. Рассмотрим форму конуса. Продольное сечение его вертикальной плоскостью — это треугольник; сам же конус является телом вращения треугольника вокруг своей высоты.

Что отличает эту форму? Она подчиняется числу три, происходит из триады, материализует триаду. Это число — метафизическое, оно относится к самым распространенным в природе и культуре. Высшим проявлением триадичности можно считать тройственную сущность богов во многих религиях. Треугольник, стоящий на основании, визуализирует **восхождение**. Древние орфики в своих мистических гимнах молят богов о восхождении к божеству, к блаженству. Двигаясь по образующим конуса к вершине, **мы поднимаемся от материального к духовному, от низкого к высокому, от многообразия плоскости к Единству высшей точки**.

Не это ли цель всякого духовного роста?

Кроме того, в основании конуса лежит круг, а тело вращения круга-шар. И круг, и шар-фигуры архетипические, от них образованы многие вещи и понятия: шар Вселенной, шаровидность Бога (по Пифагору) и небесных тел, круги планетных орбит, круг бытия, шарообразность растительных и животных форм, световых и звуковых волн. Исследование круга привело к открытию иррационального числа **пи**, которое деликатно намекает нам на существование в природе вещей, непостижимых разумом.

Чем привлек Н. Рериха горный пейзаж? Художник искал Высоты, удаления от земных дел, захлестнувших его соотечественников, искал чистого горного воздуха и первооснов жизни. Его горы похожи на волны моря, это волны материи и времени.

«Брахмапутра»

«Весь хребет»

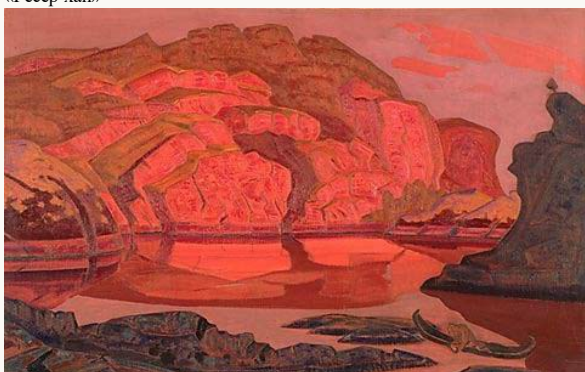
Поэтому в них нет мелких деталей, они не могут служить убежищем для зайцев и диких ослов. Даже воды на них не стоят. Эти горы — скорее абстрагированная визуализация всеобщего закона волнообразности бытия. Но сколько жизни в этой абстракции! Здесь, поистине, Бог Живой.

Г. В. Чичерин пытался определить, какую религию исповедует Николай Рерих: назвав его «полубуддистом-полукоммунистом», Чичерин не угадал. Как боги выше добра и зла, так Рерих выше конкретных религиозных конфессий. Его вера-это вера в Единое, в Самое Само (по выражению А. Ф. Лосева), в то единение идей, где нет различия между мифом и наукой, наукой и искусством, а тем более между религиозными конфессиями.

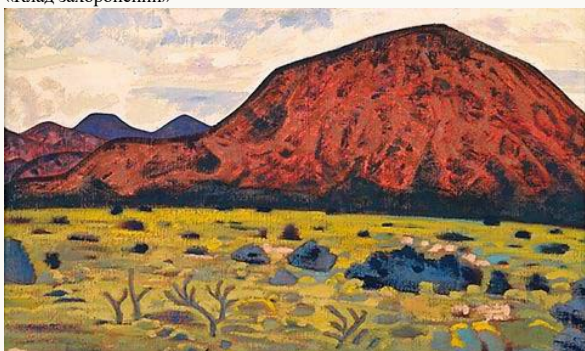
Живопись Рериха необыкновенно экспрессивна. Она излучает энергию и внушает сильные чувства; она то гремит трубным гласом пурпурных, красных, оранжевых тонов, то стелется органными бархатными звуками синего, фиолетового, темнолоубого, то замирает в ночном молчании черного.

«Гесер-хан»

«Клад захоронений»

«Красные горы»

Палитра горных пейзажей как будто скопирована с палитры Скинии Собраня — первого храма Богу Моисея. Заповедано было пророку построить храм; ограду его двора сделать из покрывал голубого, пурпурового и червленого цвета, и крученого виссона, а покров скинии — из кож бараньих красных и кож синих.

«Монголия»

«Мост славы»

«И каждый, у кого была шерсть голубого, пурпурового и червленого цвета, виссон и козья шерсть, кожи бараньи красные и кожи синие, приносил их».(Исх.35:23).

Красный, пурпуровый и червленый — это цвета не только Бога Яхве, но и многих восточных богов. В Индии эти пламенные и солнечные цвета присущи богам Агни, Ушас, Сурье, Ашвинам, Рудре; в Месопотамии Митре, в Иране Ахура-Мазде, в Египте Амону-Ра и Атону, Исиде, Гору ...Красный — это также цвет тибетского божества Падмы.

В этом цвете не только жизнь, но и губительный огонь, в котором сгорает всё живое. В крови душа земной твари, но когда возгорается Божий гнев на беззакония сынов Адама, то кровь их течет из точила гнева Божия обильным потоком, затопляя землю «даже до узд конских, на тысячу шестьсот стадий» (Откр.14:19). Мир гибнет в крови и огне.

«Гесер-хан»

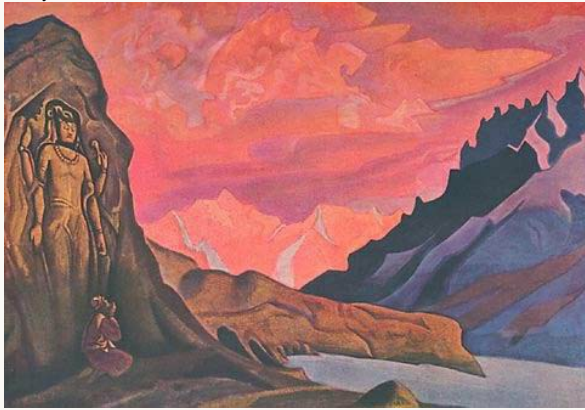
Живопись Рериха пронизана духом Апокалипсиса. В пурпурных зрелых его картин видится пророчество о конце света. Кровавые краски заката переходят в пурпур Судного дня — они трубят о близости Царства Небесного, о возвращении к Богу и Святой Софии, от которых всё сущее произошло. «Конец уже близок, неожиданное сбудется скоро» (В. Соловьев). По свидетельству Е. Трубецкого, исследователя древнерусской живописи, «Святая София окрашивается в пурпур... Это — пламень мудрости».(Два мира в древнерусской живописи. Пбг., 1916)

Постепенно угасая, красный становится холоднее, превращается в **пурпур** храма Иеговы, багряницы Христа, завесы храма Соломона.

«Ведущая»

«Майтрейя»

В нем уже нет откровенно живого, душевного, горячего, как в кошенильном или кровавом. Он замыкает линию цветов в круг, «как тот пурпур, который огнем истребит миры» (А. Белый. Символизм как миропонимание. — М. 1994, с. 209). В горных пейзажах Рериха красно-пурпурному противопоставлен сине-фиолетовый. Происходит закономерное угасание света: от красного к пурпуру, от пурпура к фиолетовому и синему, чтобы, наконец, всем краскам угаснуть в черном.

«Гора пяти сокровищ»

«Завет учителя»

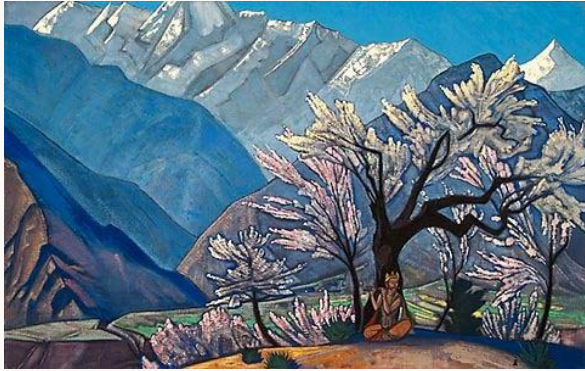
«Звезда Героя»

«Капли жизни»

Синий — это цвет затененных склонов гор, это цвет неба, где бездны космоса занавешены воздушно-белой фатой воздуха; по мысли Андрея Белого, синий — это символ богочеловечества, двуединства. **Синий цвет** — это цвет шеи Рудры, проглотившего яд, чтобы спасти индийских богов. В последнюю Кали-югу Кришна рождается с синим телом; на тибетской мандале с пятью буддами синий цвет присвоил себе первый будда, Акшобхья, Невозмутимый, из рода Ваджра. Его любимое сочетание — синий с белым. Он символизирует вечное и неизменное сознание всех будд. «Ландшафт, соответствующий (роду Ваджра), пустынный, с резкими очертаниями, покрытый сверкающим и хрустящим белым снегом». (Франческа Фримантл. Сияющая пустота. — М. 2003, с. 195-196) Не узнаём ли мы в этой картине живопись Николая Рериха?

«Кришна»

«Священная Тангла»

«Песнь о Шамбале»

Синий в культуре древних народов-божественный цвет. Он возникает из мрака, если смешать мрак с небольшим количеством света. В Древнем Китае синим кодировался знак **ЯН** — мужское начало, а также Небо. На Востоке особенно любимы синий и голубой: сапфир, лазурит, бирюза-драгоценные украшения храмов, дворцов, одежды. В шумерской поэме о Гильгамеше воспевается «Экур, храм лазурный, который возвел Энлиль, Отец, Могучий Утес, как гору высокую, на чистом месте его возвёл. Кирпичи его — глянцево-красные, основание его-лазурифта синего!» (Поэзия и проза Древнего Востока. — М. 1973, с. 137)

Синий равноконечный крест-символ зарождения жизни и огня (Н. Рерих. Алтай-Гималаи. - М. 1974, с. 35)

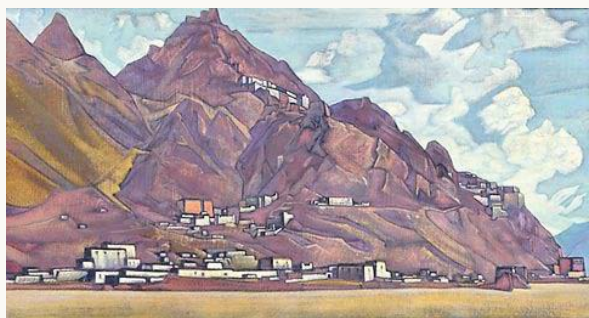
Промежуточный между красным и синим — **фиолетовый цвет**. Уходя от красного всё дальше и дальше по часовой стрелке, приходим к синему, а ещё дальше к фиолетовому,

пурпурному, и, наконец, возвращаемся к исходной точке — к красному. Уже от фиолетового начинается предчувствие красного, уже он виден близко, через четверть круга, как виден маяк плывущему к берегу.

Фиолетовый сродни красному, хотя и находится по другую сторону спектра. Оба они — цвета экстремальные, оба заняли прочное место в сферах божественного, царственного, мистического. «Лиловая аура Матери Мира светит нам. Кто не преклонится? Кто дерзнет на неё? Учение о Ней горит фиолетовым лотосом. Мать Мира, на гору взгляни, ибо светятся горы огнем твоим!» (Е. И. Рерих. Криптограммы Востока. — М.2003, с. 55)

Фиолетовый у Рериха — это преображенный синий на пути к умиранию всякого цвета — к черному мраку. Он более, чем красный и пурпурный, несет в себе образ мирового зла, противостоящего божественной воле. Даниил Андреев назвал этот образ «Гистург, Великий мучитель — последняя глубина демонического Я, носитель высшей воли, власти и желания». «Безмерно жуток его облик ... как бы возлежащий на бушующем лиловом океане, с черными крыльями, раскинутыми от горизонта до горизонта, он поднимает свое серое лицо в зенит, где полыхают инфра-лиловые зарева, раскачиваются и гаснут протуберанцы, а в самом зените блещет светило непредставимого цвета, отдаленно напоминающего фиолетовый. Горе тому, на кого Гагтунгр опустит свой взор и кто этот взор встретит открытыми очами...» (Д. Андреев. Роза мира. - М. 1991, с. 76)

Пейзаж, в котором доминирует насыщенный фиолетовый цвет — редкое явление в живописи.

«Шекар-дзонг»

Обычно он вызывает негативные ассоциации. Так, Гете замечает в фиолетовом беспокойство и утомляющее действие, Кандинский — болезненность, неустойчивость, нечто погашенное и печальное, Гоген — устрашающее и неотвратимое. Курт Воннегут так изображает гибель земного шара: смерчи — «огромные червяки с фиолетовой пастью» поднимаются над океанами.

В сине-фиолетовом колорите — предчувствие гибели мира. Но не только об этом трубят и поёт живопись Николая Рериха; она предвещает новый, грядущий мир, когда спустится Мессия с сияющих вершин Шамбалы и мир озарится пурпурным светом Матери Мира и Майтрейи, и не будет больше в мире ни плача, ни воздыхания, но жизнь вечная... В Гималаях молятся Шамбале и Майтрейе, свято верят в грядущую их власть над Новой землей. Ведь **пурпур**-это середина между фиолетовым и красным, а красный-это цвет жизни, тепла, души, согревающего огня, цветения и плодоношения. Красный связывает прошлое с будущим: в крови Христа, в чаше Грааля он будет храниться вечно, чтобы не забывало новое человечество, кому оно обязано своей новой жизнью.«Там, где моя чаша — там ваше спасение» (Криптограммы Востока, 2003, с. 132)

Белого мало в колорите Рериха. Он бережет белое для самого священного — вершин Шамбалы, одежды Матери Мира (ведущей путников по верному пути), для блеска чистых вод Брахмапутры...

«Канченджанга»

«Священная Тангла»

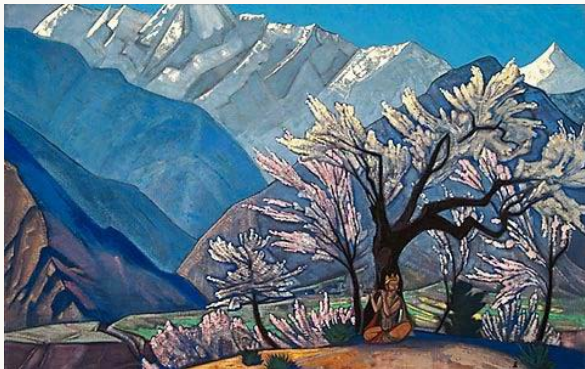
Белая Гора, Белое Братство, белые облака, подобные горам, сияющие на горизонте — всё это недостижимо теперь, но сбудется после, в обетованном грядущем царстве Майтрейи.

«Песнь о Шамбале»

«Чантанг»

«Кришна»

Что указывает на ирреальность горных пейзажей Мастера? Как было уже сказано — их монументальность, колоссальный масштаб, космический охват, обобщённость форм, устремленных ввысь, и ещё одна существенная особенность — трактовка света. **Свет у Рериха** не списан с природы. Он не излучается из конкретного источника: свет здесь, как в храме Святой Софии в Константинополе, бродит, где хочет. Это тот свет, который возник по слову Божьему в первый день творения, когда небесные светила ещё не созданы. Здесь свет — это Слово, а Слово — это Бог. Сам художник видит в этом свете *Materia Lucida* — светоносную материю. (Алтай-Гималаи, 1974, с. 64).

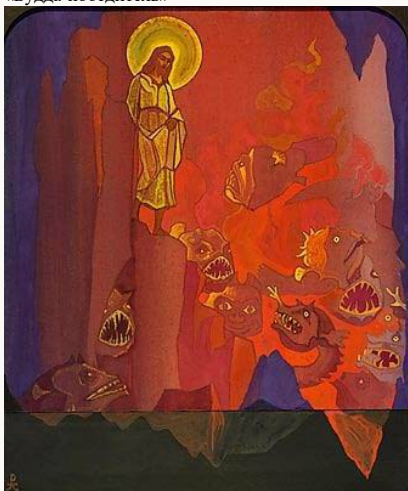
В живописи Художника — предостережение и надежда, земное и небесное, музыка и цвет. Это искусство посылает нам здоровье и залечивает раны. Закончим словами Елены Рерих: «Счастливы понявшие звук и цвет». И ещё повторим: Да принесут горы мир людям и холмы правду.

«Сострадание»

«Будда-победитель»

«Сшествие во ад»

Миронова Ленина Николаевна
07.05.2004

[На главную](#) > [Статьи](#) > [Поэзия гор](#)

Copyright © 2004—2008 [Миронова Ленина Николаевна](#), [Иванов Дмитрий Григорьевич](#)